

Монография Марины Станиславовны Бобковой посвящена актуальной для исторической науки теме формирования исторического знания в странах Западной Европы в период XVI–XVIII вв. Актуальность данной темы во многом определяется вопросом, вставшим перед профессиональными историками в эпоху постмодерна: насколько достоверны тексты, традиционно выступающие в качестве источника знаний о прошлом?

Автор выделяет три основных причины актуальности выбранной темы: междисциплинарность, интерес к созданию универсальных теорий и дальнейшая разработка категории историзма. Действительно, в современных условиях развития исторической науки с ее широким спектром методологических концепций и теорий, историческое знание нуждается в некоторой генерализации, приведении в систему. С этой точки зрения, интерес автора к ранним попыткам подобной генерализации и созданию «истории» представляется чрезвычайно своевременным.

Первая глава посвящена историческому знанию в социальном пространстве западноевропейского общества раннего Нового времени. В первом параграфе характеризуются этапы становления новоевропейского историописания. Подробно описана проблематика данного становления, связанная с изменением мировоззренческих парадигм, что ставит перед писателями задачу не просто описания, но установления причинно-следственной связи. Автор совершенно справедливо обращает внимание на сосуществование антропоцентрического и теологического мировосприятия. Во втором параграфе рассматривают-

ся особенности и сущностные черты исторического знания раннего Нового времени, такие как историческая коммуникация и интегрированность в историческую культуру Западной Европы различных типов историописания. Оригинальна концепция автора, определяющая период XVI–XVIII вв. как «эпоху катастроф» — «период экономического, социального, политического, культурного взрыва, который проявляется в этнических, конфессиональных конфликтах, революциях, гражданских и континентальных войнах, являющихся высшим проявлением кризисного состояния общества». В третьем параграфе выделяются основные направления в развитии исторического знания. Значительное место уделено гуманистическому историописанию, развитию эрудитской школы, породившей антикварианизм. Автор не обходит вниманием влияние картезианства на традицию историописания и последовавшее за ним формирование неопирронизма. Распространение картезианства, критическое осмысление истории, методов, которыми пользовались историографы, приводит к появлению нового «философского» направления, которое легло в основу историографии эпохи Просвещения.

Во второй главе «Источники знаний о прошлом: традиционное и новаторское в историописании переходной эпохи» автор обращается к рассмотрению источников по историописанию раннего Нового времени. Параграфы делятся согласно характеру источников. Первый параграф посвящен месту Священного Писания и патристики в традиции историописания. Ветхозаветная история выступает как наиболее приемлемый об-

разец написания истории. Тем не менее, автор констатирует, что в реформационный и постреформационный периоды уже налицо примеры критики текста, связанные с разрушением авторитета церковной истории. Во втором параграфе рассматриваются тексты античных авторов, поскольку в эпоху Ренессанса они приобретают особую значимость. Сочинения Геродота и Фукидида, выделенные автором особо, в самом деле, являлись наиболее авторитетными и популярными, о чем свидетельствуют «ссылки на полях» в ренессансных работах. Средневековые источники стали предметом третьего параграфа. Здесь внимание привлекает провиденциалистская проблематика средневековых текстов, которая была воспринята и переработана европейским историописанием. Четвертый параграф «Свидетельства современников» сосредотачивает свое внимание на сочинениях, которые обосновывали новую парадигму истории, выраженную в концепции «другого» прошлого Л. Валлы. Появилась необходимость в определении «законов» истории, что было не случайным явлением в условиях начинавшейся в конце XVI в. и захватившей все XVII столетие научной революции, с ее стремлением к эксперименту, получению опытного знания.

Третья глава раскрывает формирование предмета и методов исторического знания, что стало непосредственным следствием существования и развития скептицизма и неопирронизма. В качестве источников в создании исторических методов выступают философия, математика, законы природы, правоведение и филология.

В параграфах четвертой главы «Темпоральность истории» исследуются представления о времени, являвшемся центральным понятием исторического знания. Автор указывает на то, что в европейском историописании раннего Но-

вого времени доминирует представление о времени принципиально отличное от христианской традиции линейности и античной цикличности. В качестве вектора социального движения выступает идея прогресса, основанная на естественно-научных методах.

Пятая глава раскрывает этап перехода к глобальной реконструкции прошлого, что выражается в схеме: факт (событие) — событийная история — историческое моделирование. Историческое моделирование было связано с появлением причинно-следственной интерпретации событий, отказом от этической концепции истории. Обращает на себя внимание и появление специальной терминологии для обозначения самого жанра описания прошлого: «историописание», «искусство истории», «история». В трудах авторов «историй» появляется важный фактор исторического развития — детерминизм.

В заключении автором подводятся итоги и формулируются выводы по основным направлениям проведенного исследования.

Несомненным достоинством работы является широкая источниковая база, без которой невозможно было бы создать такой обобщающий труд по истории историописания. Привлекаются труды античных, средневековых авторов и авторов раннего Нового времени.

Интересно теоретическое обоснование понятий «эпоха катастроф», «кризисный тип историзма», которые позволяют автору более точно охарактеризовать не только рассматриваемую эпоху, но и отражают проблемы, возникшие в историописании в период с XVI по XVIII вв.

Спорным, на наш взгляд, является вывод автора о регрессивном характере историзма XVII–XVIII вв., поскольку именно картезианство с его ниспровержением абстракций и стремлением к опытному знанию поставило перед исто-

риписанием задачи, заставившие задуматься о методах, позволяющих добыть объективное знание. Хотя в заключении автор признает, что «кризисный тип историзма, бесспорно, несет в себе сочетание разрушительных и созидательных тенденций».

Работа М. С. Бобковой обновляет и дополняет труды известных советских историков О. Л. Вайнштейна, Е. А. Косминского, М. А. Барга по истории истори-

ческой науки Западной Европы. Вместе с тем, существенно важным является заявленное автором во введении изучение «восприятия прошлого в контексте формирования самосознания европейской общности, на основе принципа единства европейской культуры», поскольку ранее труды по истории классифицировались, в основном, по принадлежности к различным национальным и территориальным объединениям.

Г. И. Баязитова